Александр Волынкин боялся стать тенором

Оперный театр - театр особый: здесь в отличие от филармонического концерта мы в равной степени внимаем и "зрим" и потому хотим, чтобы внешний облик исполнителей совпадал (хотя бы зрительно!) с возрастом персонажей, а безупречный вокал был бы подкреплен такой же актерской игрой. Но, идя в консерваторский Музыкальный театр на "Евгения Онегина", мы были настроены реалистически и со смирением допускали, что Татьяну может спеть какая-нибудь зрелая дама с расплывшейся фигурой, но с великолепным сопрано. Няня будет чуть ли не вдвое ее моложе, Онегин окажется и вовсе тощим нескладным юнцом, зато - с ласкающим слух бархатным баритоном, а Ленский, вполне возможно, - толстеньким коротышкой... И мы повздыхаем: "Что поделаешь... хороший голос... оперная условность".

Но о чудо! Спектакль был одним из тех счастливых "прямых попаданий", когда все, начиная от мелочей реквизита и до пения, в равной степени радовало глаза и уши. Наслаждаясь сильными, свежими голосами студентов (кстати, для многих из них этот спектакль был госэкзаменом), мы вспоминали, что ведь опера-то и предназначалась Чайковским для совсем молодых исполнителей и что Онегину, по мнению композитора, должно быть 22 года, Татьяне - 17, Ольге - 18, Ленскому - 19...

Ленский покорил нас с первых минут своего появления на сцене. Мы увидели прямо-таки классический вариант героя - стройного худенького юношу с пылким взором, порывистыми движениями и, конечно, "кудрями черными до плеч". Но подлинным сюрпризом оказалось совпадение прекрасно продуманной актерской стороны роли с вокальной: ровный во всех регистрах голос красивого тембра приковывал к себе внимание буквально во всех эпизодах, где Ленский находился на сцене. А исполнение им некоторых фраз в сцене ссоры и дуэли напоминало ни больше ни меньше великого Лемешева! И поэтому после рокового выстрела Онегина побежали мы за кулисы - убедиться, что Ленский жив и невредим, поговорить о его житье-бытье.

Александр Волынкин улыбался, принимал поздравления партнеров по сцене, однокурсников и с удовольствием согласился на интервью.

- Что для меня Ленский? Одна из любимейших партий! Он, да и вообще вся опера, всегда со мной. Даже в армии, помню, драю казарму и во весь голос вывожу: "Весны моей... златые дни..."

И тут вваливается чуть не вся рота (на только что вымытый пол, заметьте!) и с изумлением на меня смотрит; удивляются, понимаете ли, кто тут радио включил так громко? А вообще мне на Пушкина просто везет - еще когда в Театральном институте учился, то и королевича Елисея, и всех пушкинских сказочных героев переиграл!

- Когда же вы успели и в Театральном поучиться, и в армии послужить?

- А что, я еще молодо смотрюсь? Это не может не радовать, я ведь успел себя в разных профессиях попробовать, даже опыт работы в медицине есть, мечтал когда-то стать хирургом. Но сцены не удалось миновать, так что мне всего-то еще лет 25 осталось попеть - и все...

Мы пугаемся столь пессимистичного начала разговора и задаем студенту нормальный, бодрый "студенческий" вопрос - про педагогов.

- Мою вокальную стезю вычислили еще в Театральном институте. Там на занятиях сольфеджио я обнаружил великолепные знания, смог отличить ноту "до" от ноты "ре"; меня попросили спеть гамму до мажор, и я с честью справился с этим "трудным" испытанием. И тогда меня взяли за руку и отвели в вокальный класс... И познакомили с человеком-легендой, со знаменитой, как ее называли, "Джильдой в солдатской шинели", "Блокадным соловьем" - Галиной Владимировной Скопа-Родионовой. Со мной, 18-летним студентом актерского факультета, она занималась по настоящим, строгим консерваторским меркам, доходчиво и образно объясняя секреты "большого" вокала. Часто с тех пор мои занятия вокалом шли в ущерб занятиям по актерскому мастерству, что мне сходило с рук и за что я благодарен своим мастерам. Но, к сожалению, все хорошее когда-нибудь кончается, уходят то поколение, та удивительная старая школа, старая требовательность и порядочность... И только теперь я понимаю, сколько можно было еще перенять у Галины Владимировны, а я не успел...

Словом, она дала мне настоящий профессиональный импульс, ей я обязан тем, что "заболел" вокалом. Поступив в Консерваторию, я тоже искал чего-то похожего, но тщетно. Хотел уйти; случайно забрел послушать урок Татьяны Васильевны Новиковой, потом пришел еще раз и еще... прижился и вот уже почти семь лет "как у Христа за пазухой". Сколько она с меня стружки сняла за эти годы, сколько здоровья на меня потратила - боже мой! Но тем не менее уверенной рукой довела почти уже до диплома...

Он - классический Ленский.

Ну а кроме реальных педагогов есть ведь еще и те, кого знаешь только по спектаклям или записям, и это - тоже большая школа. Например, тенор Владимир Галузин! В афишах при его имени - ни "заслуженных", ни "народных" званий, а поет он по всему миру и сверхпрофессионально! Так что и он, и Карузо, и Каррерас - сами того не зная, давали мне уроки.

- Раз уж мы дошли до знаменитых теноров, без вопроса об отношении к Николаю Баскову нельзя обойтись...

- Вопрос сакраментальный... Да никак я к нему не отношусь! И вообще - странно было бы мне обсуждать заслуженного артиста, "золотой голос России", солиста Большого театра. Предпочитаю обсуждать не конкретных людей, а идеи. Зритель в состоянии из палитры голосов и исполнителей выбрать то, что больше отвечает его вкусам. Сам я лет до двадцати тенор как голос люто ненавидел...

- ???

- Да-да, я ненавидел этот голос, потому что когда-то один известный человек, в прошлом большой для меня авторитет, сказал: "Все тенора - идиоты!" И я прямо-таки боялся стать тенором. Тогда по молодости лет я думал, что человек, сказавший это, сам совершенно нормален... Долго после того слыл баритоном, пел баритоновый репертуар. Только в консерваторские годы меня "обратили в истинную веру", и запел я, как миленький, Каварадосси в "Тоске", Альфреда в "Травиате"...

- Вам актерское прошлое в опере жить не мешает?

- Наоборот, помогает! Конечно, в драматическом спектакле у исполнителя больше свободы - он сам задает темпоритм, может потянуть или, наоборот, сократить паузу, а в опере такие штучки чреваты тяжелыми последствиями. Но все же общий рисунок роли я не столько прочувствовываю, сколько профессионально, по-актерски, продумываю. И если я кого-то профессионально же обманываю, я счастлив! Вы вот увидели же во мне "настоящего" Ленского...

- Чем думаете заняться после окончания Консерватории?

- Надеюсь найти работу! По нынешним временам это уже большое дело. В той, доперестроечной жизни не было свободы, надо было петь, что прикажут, где прикажут, но можно было жить! Зато теперь - свобода полнейшая: хочешь - живи, хочешь - не живи... Знаете, как поет милая моя бабуля, которая меня вырастила и по сей день обеспечивает мне надежнейший тыл?

Бывайте здоровы, живите богато,
Насколько позволит вам ваша зарплата!
А если зарплата вам жить не позволит -
Ну что ж, не живите, никто не неволит.

Беседовали Юлия ГРИГОРЬЕВА, Алина КЛЮЧ, Любовь ЗОЛОТНИЦКАЯ